

Преклонение Горького перед мастерством тех, кто в разные эпохи и в разных странах создавал материализованные в дереве, камне, металле, на бумаге или полотне произведения искусства, проявилось рано и было глубоко искренним. В этом он мало чем отличался от тысяч и тысяч людей, любующихся талантом искусных мастеров и даже собирающих (если есть возможность) их творения...

Строго говоря, нет ничего странного и в том, что практически страсть к коллекционированию проявилась у Горького достаточно поздно и, главное, в период хаоса, который последовал за большевистским переворотом. До этого у него вообще не было оседлого жилья — жизнь проходила в постоянных скитаниях. Так получилось, что обретение Горьким просторного жилья совпало именно с этим смутным временем. И еще оно совпало с моментом, когда тысячи предметов искусства оказались вообще бесхозными или доступными поистине за гроши.

Слухи о том, что Горький скупает за бесценок ценнейшие произведения искусства, поползли по Петрограду еще в феврале — марте 1918 года. Горький был слишком яркой фигурой — у всех на виду, так что такая его активность остаться незамеченной не могла.

Пристально, ненавидящими глазами следившая за каждым его шагом Зинаида Гиппиус много раз касалась в своем дневнике вдруг пробудившейся у Горького страсти к собиранию дорогих и красивых вещей, почти ничего не стоивших реально для их знаменитого покупателя.

“Горький жадно скупает всякие вазы и эмали у презренных буржуев, умирающих с голоду. (У старика Е., интеллигентного либерала, больного, сам приехал смотреть остатки китайского фарфора. И как торговался!) Квартира Горького имеет вид музея — или лавки старьевщика <...> Часами сидит, перетирает эмали, любитесь приобрести эмаль...”

“<По свидетельству доктора Манухина> квартира <Горького> — совершенный музей, так переполнена она старинными вещами, скупленными у тех, кто падает от голода. Теперь ведь продают последнее, девдовское, заветное за кусок хлеба. Горький и пользуется вместе с матросьем и солдатами, у которых деньги — куры не клюют...”

Эта тема сидела занозой в ее голове, стала навязчивой, побуждая снова и снова возвращаться к одному и тому же “сюжету” — почти теми же словами. Озлобленность вполне очевидна, она слепит глаза, и все же эти записи отражают, пусть и в уродливом виде, реалии тех дней. Во всяком случае, с их помощью можно увидеть Горького таким, каким его видели тогда петроградские интеллигенты, с ненавистью встретившие большевистский переворот. Проходил месяц за месяцем — записи оставались все теми же.

13 ноября 1918: “Горький все, кажется, старинные вещи скупил, потянуло на клубничку, коллекционирует теперь эротические альбомы. Но и в них прощивается. Мне говорил один сторонний человек с наивной досадой: за альбом, который много-много 200 рублей стоит, — Горький заплатил тысячу”.

Для Гиппиус, как видим, и для таких, как она, Горький ви-

А.М. Горький моет бюст Данте. Сорренто, 1924 год.

“ЧЕРНОЙ МОЛНИЕЙ ПОДОБНЫМ”

ценности, фарфор, столовое серебро. Все это грозило опасностью исчезнуть, утонуть в подвалах черни, поднявшейся на гребне “революционной” волны. Горький проявил хозяйскую заботу о благе страны.

Еще на страницах “Новой жизни” он со знанием дела предлагал “посвятить два-три дня на обзор того, что творится

в галереях Александровского рынка, в антикварных лавках Петрограда и бесчисленных комиссионных конторах, открытых на всех улицах города <...> Россию грабят не только сами русские, а иностранцы, что гораздо хуже, ибо русский грабитель остается на родине вместе с награб-

предметы эти: картины, бронза, фарфор, хрусталь, ковры и т.д. <...> подвергались разграблению прислужкой эмигрантов — лакеями, швейцарами, дворниками — по указанию антикваров, которые хорошо знали, какими ценностями обладает то или иное барское семейство”.

Это письмо хранилось в се-

а в том непостижимом для современников-интеллигентов явлении, что во главе этого грабежа “награбленного” стоял именно Горький.

От внимания современников не укрылась и еще одна существенная деталь. Станным образом экспертная комиссия со столь неограниченными правами составлялась из обитателей

кредте до конца восьмидесятых годов, полностью не опубликовано до сих пор, даже и процитированный отрывок был опубликован с отсечением некоторых деталей. Какая же опасность таилась в нем и в других документах, раскрывающих столь полезную деятельность Горького?

Объяснение очень простое. Под видом охраны несметных сокровищ, не по своей воле брошенных спасавшими свою жизнь хозяевами или оставшихся после уничтожения тех, кому они законно принадлежали, шло

квартиры на Кронверкском проспекте. В нее, кроме Горького, входили художники Иван Ракицкий (“Соловей”) и Андрей Дидерих (“Диди”) — муж Валентины Ходасевич. Комиссаром комиссии была назначена Мария Андреева, и все документы составлялись за двумя подписями: Горького и ее...

“Спасение культурных ценностей” стало “пунктиком” Горького, его навязчивой идеей. Через все эти годы сквозной темой его бесчисленных обращений к властям была тема русских сокровищ, которые надо срочно прибрать к рукам.

“Голод заставляет людей, — писал он Луначарскому 3 апреля 1920 года, — предлагать музеям вещи очень высокой ценности, очень серьезного художественного значения, а — денег у музеев нет.

И тогда владельцы вещей тащат их спекулянтам, антикварам, а сии прячут их так, что уж не найдешь никогда”.

Столь мрачными красками писатель рисует, в сущности, совершенно нормальную картину: антиквары, то есть профессионалы, в отличие от дилетанта Горького для этой работы и предназначенные, “прячут” предметы искусства с тем, чтобы вернуть их на рынок по их подлинной стоимости и только таким путем (каким же еще?) сохранить для истории, для культуры. Но Горький в чисто большевистском стиле предлагал другой путь: реквизировать у владельцев все ценное и передать государству, которое лучше знает, что делать с этими сокровищами, которое само определит, где им место.

В любом случае Горький прямым образом причастен к одному из самых омерзительных преступлений большевиков — ограблению десятков и сотен тысяч людей, повинных лишь в том, что они вкладывали легально приобретенные деньги в производство искусства, способствуя тем самым развитию отечественной культуры и приумножая богатства своей страны.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “ТЕРРА СПОРТ” ВЫХОДИТ НОВЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН АРКАДИЯ ВАКСБЕРГА “ГИБЕЛЬ БУРЕВЕСТНИКА”. ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ “ТРУДА” ОТРЫВОК ИЗ ЭТОЙ КНИГИ.

ленным, а чужой — улепetyвает к себе, где и пополняет за счет русского ротозейства свои музеи, свои коллекции, т<о> е<сть> — увеличивает количество культурных сокровищ своей страны, сокровищ, ценность которых — неизмерима, так же как неизмеримо их эстетическое и практическое значение”.

По инициативе Горького наркомат торговли и промышленности, во главе которого стоял его давний приятель Леонид Красин, 31 декабря 1918 года постановил образовать Оценочно-антикварную комиссию (ОАК) по классификации и учету предметов роскоши и художественных ценностей, председателем которой был назначен тот же Горький. Отвечая на запрос Института Маркса-Энгельса-Ленина в декабре 1935 года, Горький подтвердил: “Экспертная комиссия была организована по моей инициативе и по разрешению В<ладимира> Ильича в целях отбора предметов высокой художественной или материальной ценности, оставленных в домах и квартирах эмигрантов, а также лежащих на хранении в специальных скла-

дичинное их разграбление. Присвоение чужой собственности в общенациональном масштабе. Осуждать это с моральных позиций бессмысленно: аморален и незаконен был захват власти бунтовщиками, а присвоение имущества поверженных — лишь автоматическое и неизбежное следствие такого захвата. Ярость вызывало не то, что это делали большевики, а то, что так поступал Горький, вчерашний обличитель большевиков, вчерашний защитник гражданских прав и общечеловеческих ценностей.

“Вещи, отобранные нами, — вспоминал Горький в том же письме от 8 декабря 1935 года, — т<о> е<сть> сотрудниками Экспертной комиссии в квартирах и складах, свозились в залы второго этажа дома Салтыковой на Марсовом поле. Охраняли их часовые, которых дала ЧК. <...> Вещи <...> шли на аукционы, которые организовала ЧК”. На аукционы они шли, разумеется, лишь после того, как Горький и его команда определяли, что следует, а что не следует отдавать в Эрмитаж и другие музеи. Дело не в процедуре селекции,

НЕОБХОДИМЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Эта публикация вызывает естественный вопрос: где же теперь все эти закупленные Горьким богатства? Он вывез их за границу, перепродал, унес с собой в могилу? Вот как ответила на эти вопросы старший научный сотрудник дома-музея А.М. Горького в Москве Анна Смирнова:

—Алексея Максимовича Горького даже с большой натяжкой нельзя обвинить в том, что он присваивал себе какие-либо ценности. Тем более что он никогда и не был крупным собирателем антиквариата. Те вещи, которые хранятся у нас (в основном это японские и китайские нецки), писатель начал приобретать еще в 1890 году. Уезжая за границу в 1921 году, он почти все передал Музею

этнографии в Питере. Была у него и небольшая коллекция монет, которые он собирал в Италии. Все их Алексей Максимович подарил своему другу, революционеру Ладыжникову. Незначительную коллекцию оружия (вся собрана до революции) он отдал Федору Шалыпину...

Что же касается утверждений Манухина, который когда-то лечил Горького от туберкулеза, то с ним отказывались здороваться даже многие эмигранты. Слишком беспринципный был человек. А Зинаида Гиппиус так и не смогла простить Горькому его большевистские симпатии.

Горький всю свою жизнь посвятил именно сохранению культурных ценностей России. Обвинения в обратном выглядят очень цинично...